

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА БЕЗБОЖНИКОВ В БССР В 1920-х – НАЧАЛЕ 1940-х гг.

И. А. ГРИЩЕНКО

Учреждение образования

«Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»

Советская добровольная общественная организация «Союз безбожников» (СБ), которая с 1929 г. стала называться «Союз воинствующих безбожников» (СВБ), начала свою деятельность в 1925 г. Она стала формироваться вокруг газеты «Безбожник», выходившей еженедельно с декабря 1922 г., и поначалу организация называлась Общество друзей газеты «Безбожник», являясь главным проводником атеистической пропаганды в СССР. Бюджет СБ пополнялся за счет членских взносов (15 коп. ежемесячно), продажи издаваемой литературы, агитпродукции (плакаты, значки), но основу финансирования составляли значительные дотации со стороны партийных агитотделов, профсоюзов, наркомфина и наркомпроса, кооперативных организаций, областных и республиканских отделов Союза.

Борьба с религией – важнейшая составляющая политики большевиков, поскольку, по мнению партийных лидеров, идеи социализма были несовместимы с религиозным мировоззрением. Методы и формы антирелигиозной борьбы зависели от социально-экономической и политической ситуации в стране. В первые годы советской власти большевики считали, что в условиях гражданской войны с религией и церковью удастся покончить быстро. Однако к началу 1920-х гг. руководство РКП(б) пришло к пониманию, что антирелигиозная кампания требует иной тактики. На первый план вышли вопросы атеистической пропаганды. В августе 1920 г. был создан отдел пропаганды и агитации ЦК РКП(б), а 12 ноября 1920 г. – Главный политико-просветительный комитет Советской республики во главе с Н. К. Крупской.

О проблемах с реализацией декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви писал В. И. Ленину еще в декабре 1918 г. будущий руководитель СБ Ем. Ярославский: «Советы часто совершенно не считаются с волей подавляющего большинства, а иногда и единодушной волей православного населения. На этой почве ведется агитация против Советской власти вообще и падает на восприимчивую почву. На женском съезде в Москве мне были записки на эту тему: «Зачем насильно выносят иконы?» Были записки и заявления: «Мы во всем согласны с большевиками, а этот вопрос нас отталкивает от них...» В деревнях даже взятки берут, чтобы не трогали иконы: за икону Христа – 25 рублей, за Богородицу меньше. У меня есть

письма от коммунистов об этой борьбе, и в них один мотив: есть ли смысл обострять отношения с крестьянской массой по такому вопросу» [1, с. 67]. Так что Ем. Ярославский еще в годы гражданской войны выступал за смягчение советской политики в отношении религиозных организаций, а в 1923 г. он заявил о переходе к религиозному нэпу, т. е. веротерпимости и налаживанию церковно-государственных отношений.

Однако единодушие в вопросах тактики антирелигиозной борьбы не было ни в ЦК РКП(б), ни у советских спецслужб, ни в среде агитаторов. Об этом красноречиво свидетельствует полемика, развернувшаяся в 1925 г. между редактором газеты «Безбожник» Ем. Ярославским и редактором одноименного журнала Московского губкома РКП(б) М. Костеловской. Последняя в газете «Правда» опубликовала статью «Об ошибках антирелигиозной пропаганды», в которой критиковала либеральные методы газеты «Безбожник» и тенденцию превращения атеизма в религию, только коммунистическую: «На место икон рекомендуется ставить портреты вождей, на место креста – пятиконечную звезду... Маркса изображают в виде бога-отца на небесах с «Капиталом» в руках вместо скрижалей, а вместо архангелов летят красноармейцы с трубами» [1, с. 284]. Ем. Ярославский ответил статьей «О методах антирелигиозной пропаганды», в которой осуждалась пропаганда атеизма с сугубо классовых позиций. В апреле 1925 г. на совещании при ЦК РКП(б) о формах и методах антирелигиозной работы один из участников, выступая против позиции М. Костеловской, отметил: «Когда безбожники идут делать доклад, люди уже знают, что будет вестись речь о том, что Колчак – за бога, Каледин – за бога, Юденич – за бога, Деникин – за бога, Чемберлен – за бога». Это скучно, классовость набила оскомину, нельзя снижать антирелигиозную работу до уровня митинговой агитации». Костеловская парировала: «Ленин рекомендовал нам атеистов XVIII века. Верно, блестящие ребята, но этого мало. Религия – единственная легально забронированная от руки ЧК форма контрреволюционного течения». Поэтому, с ее точки зрения, необходим классовый подход в атеистической пропаганде [1, с. 289–290].

Тактические споры не заслоняли главную стратегическую цель большевиков в отношении религии – полное ее истребление в СССР. В книге «Азбука коммунизма» ее авторы Н. И. Бухарин и Е. А. Преображенский, популярно объясняя Программу РКП(б), отметили, что религия и коммунизм несовместимы ни теоретически, ни практически, т. к. церковь – это общество людей, объединенных определенным источником дохода за счет верующих, за счет их невежества и темноты, поэтому она не могла рассчитывать на будущее. В новом обществе, утверждалось в «Азбуке коммунизма», «социалистическое государство с усовершенствованием своего хозяйственного аппарата проведет трудовую повинность для духовенства и других непроеводительных классов, обратив их в рабочих и крестьян». При этом авторы

оговаривались, что в борьбе с религиозным мракобесием «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих» [1, с. 126]. Конечно, это плохо согласовывалось с провозглашенными принципами свободы совести и религиозных убеждений, но большевиков не заботили противоречия между декларативными документами и реалиями жизни.

В марте 1921 г. был разостлан циркуляр ЦК РКП(б) «О нарушениях программы партии в области религии», запрещавший принимать в партию и даже в кандидаты тех, кто сохранил связь с церковью и религией. Члены партии, ответственные работники, нарушившие партийную программу в этой области, исключались из партии. В кандидаты переводились в исключительных случаях в виду отсталости, недостаточной образованности партийца [1, с. 268]. В постановлении ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды» (февраль 1922 г.) хотя и преобладали призывы к решительной борьбе с религиозными предрассудками, но методы предлагалось использовать не агрессивные, поскольку в деревнях стало наблюдаться снижение лояльности населения к советской власти.

Антирелигиозная работа охватила все низовые партийные ячейки. С начала 1920-х гг. они должны были организовывать антирелигиозные кружки. Их работа охватывала и беспартийных. Как правило, антирелигиозные кружки и уголки устраивались в деревенских избах-читальнях, клубах, при городских домах культуры, рабочих клубах. Однако работа велась вяло, газета «Безбожник» не раскупалась [2, л. 57]. Антирелигиозная работа сводилась к кампаниям, устраиваемым в канун больших религиозных праздников (Рождество, Пасха). Власти рассчитывали, что создание общесоюзной организации СБ поможет перейти от кампанейщины к системной работе, в которую будут вовлечены партийные, комсомольские, культурно-просветительские структуры, а также широкие массы населения. С этой целью стали организовываться первичные ячейки СБ на заводах, фабриках, в колхозах, учебных заведениях.

Работа по созданию антирелигиозных кружков на местах вызывала определенные трудности. Во-первых, местные советские и партийные руководители не всегда с энтузиазмом принимались за эту работу, поскольку воспринимали ее как второстепенную. Во-вторых, не хватало подготовленных специалистов в области атеистической пропаганды. Комсомольские акции начала 1920-х гг. больше напоминали хулиганский дебош. Поэтому логично было бы привлечь к агитаторской работе учителей, творческую и научную интеллигенцию. Однако учителя, особенно в деревнях, не только не выказывали большого желания участвовать в антирелигиозной работе, но и сами проявляли «несознательность», посещая церковь, участвуя в религиозных обрядах. На это скупает, например, Речицкий райком КП(б)Б, отмечая в своем постановлении от 8 мая 1928 г., что «большая часть городского и сельского учительства недостаточно проявляет свою активность в обще-

ственной работе», при этом «наблюдается наличие роста религиозности среди учительства, даже среди обществоведов города». Райком распорядился провести разъяснительную работу среди учительства и учащихся, а также принять меры «по замене религиозных обществоведов к новому учебному году» [3, л. 367].

Самые распространенные методы антирелигиозной пропаганды – лекции, диспуты, антирелигиозные вечера с разоблачением «церковных чудес» (проведение химических, физических опытов), кино, показательные антирелигиозные суды, организация экскурсий в антирелигиозные музеи» [4, л. 120]. О содержании лекций и бесед можно судить по плану предпасхальной кампании, принятому в 1924 г. Наровлянским райкомом КП(б)Б. Предупреждая о недопустимости скандальных выпадов против религии, местные партийные руководители предлагали в «сдержанном и деловом тоне» разобрать десять Моисеевых заповедей, «но не с религиозной точки зрения, а с классовой, т. е. доискиваться той практической цели, которую преследовал составитель, имея в виду, что эти заповеди составлялись представителем богатого класса с целью обуздать революционные инстинкты поработенного им бедняка». Происхождение праздника Пасхи надо было увязать с языческими верованиями и неумением древнего человека объяснить явления природы. Расхожий тезис 1920–1930-х гг. – Иисус Христос не историческая личность, а значит он является выдумкой служителей культа, которые использовали этот образ для личного обогащения и поработенения трудящихся [5, л. 25–26 об.].

Низкий образовательный уровень агитаторов в сочетании с их революционным рвением приводили к комичным результатам. Например, гомельские пропагандисты атеизма не видели разницы между язычеством и христианством, разъясняя сущность тотемизма: что египетские боги с головами животных и птиц, что Мардук с рыбьей чешуей, что рождественский поросенок – «внук тотема кабана». Далее следовал общий вывод: «празднование рождества вовсе не было отмечанием рождения Назорея, т. к. его вовсе не существовало. Это в такой же мере праздник Агни, Тамуза, Кабана. Христианское рождество – это напластование всех старых мифов, легенд, преданий» [6, л. 41–44]. Чего можно было ожидать от провинциальных агитаторов, если даже столичные периодические издания позволяли себе пошлость. Наиболее воинственно был настроен журнал «Безбожник», позже «Безбожник у станка» (не путать с газетой «Безбожник» под редакцией Ем. Ярославского). В первом же номере была помещена вульгарная карикатура на Христа. Недовольство по этому поводу высказали деятели культуры, обратившиеся с жалобой к А. В. Луначарскому и М. И. Калинин. Даже ОГПУ предупреждало главного редактора М. Костеловскую о возможных для нее последствиях со стороны верующих: могут все стекла в редакции побить. Сотрудники журнала, осознав свою ошибку, оригинально попытались ее

исправить, поместив в очередной номер журнала карикатуру на Иегову, снабдив ее надписью «Долой эту сволочь!», имея в виду религию [1, с. 279]. Низкий идейный уровень лекций антирелигиозных агитаторов отмечался и позже, когда началась агитационная работа в Западной Белоруссии после ее воссоединения с БССР. Один из курьезов произошел с профессором Середой, читавшим лекцию в Белостокской и Барановичской областях. Доказывая отсутствие души, он привел случай в Орле: сын похоронил мать; кладбищенский сторож выкопал ее труп и скормил своим свиньям; сын купил у того сало и съел его. Слушатели сразу отреагировали: «Раз у вас так варварски поступают, да еще с покойниками, то зачем же вы к нам приехали читать антирелигиозную лекцию?» Другой лектор на вопрос, почему сейчас от обезьян не происходят люди, ответил: «в этом нет никакой необходимости» [7, л. 27].

Чтобы придать вес атеистической пропаганде в начале 1930-х гг. к этой работе стали активно привлекать преподавателей вузов и Академию наук БССР. Так, по плану Мингорсовета к проведению антипасхальной кампании 1934 г. АН БССР должна была выделить 50 докладчиков для работы по Минску и Минскому району [8, л. 3]. Агитаторы для убедительности часто опирались на авторитетное мнение известных мыслителей, ученых, деятелей культуры. Но в материалисты и атеисты нередко попадали личности, имевшие противоположные взгляды на веру. Например, в портретной серии «Великие атеисты», изданной в 1941 г. Гомельским религиозным музеем, мы можем обнаружить Н. Коперника, Г. Галилея, Ф. Бэкона, Ч. Дарвина, М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, академика И. П. Павлова, что является не просто натяжкой, а откровенной неправдой [9, л. 12, 16, 27, 29, 37].

Несмотря на усилия агитационно-пропагандистских отделов (АПО) при комитетах РКП(б) и КП(б)Б по организации кружков по партпросвещению, члены партии, комсомольцы с трудом воспринимали информацию, проявляя к антирелигиозной тематике откровенное равнодушие, просто потому, что для многих, на фоне проблем социально-экономического характера, это было не столь важным и актуальным. Так, в протоколе совещания секретарей партячеек и АПО работников Новобелицы от 15 декабря 1925 г. отмечено, что в марксистско-ленинском кружке завода «Красный Химик» состоит всего 7–8 человек. Преподаватели кружка сетуют на низкую посещаемость и абсолютную индифферентность учащихся к предлагаемой информации: «Члены партии мало развиты. Кандидаты в члены партии – еще менее развиты, а беспартийные еще более отстали» [10, л. 25, 45].

Численность организации СБ первоначально была незначительной. Секретарь организации Ф. Н. Олещук в 1929 г. по этому поводу сетовал: «До сих пор часто бывало так, что секретарь просто «ловил на ходу» кого попало и записывал его в СБ. Состав Союза получался рыхлый, непроверенный,

ненадежный. Записавшиеся или, вернее, записанные не чувствовали никакой склонности к антирелигиозной работе» [1, с. 306]. При установке на массовость было не до тонкостей индивидуального подхода. В БССР ряды СБ в основном пополнялись за счет учащейся и студенческой молодежи. Большое внимание уделялось вовлечению детей в антирелигиозную деятельность. В июне 1929 г. на II съезде Общества друзей газеты «Безбожник» произошло не только переименование Союза безбожников в Союз воинствующих безбожников, но и состоялось оформление детского безбожного движения в организацию Юных воинствующих безбожников. По словам Ем. Ярославского, «без детей мы разрушить религию не сможем, даже в том случае, когда у нас будут уничтожены те основы, на которых базируется религия» [11, л. 7]. Детей привлекали к агитационно-пропагандистской работе не только среди сверстников. Они должны были помочь старшим членам семьи освободиться от религиозных предрассудков. Так, ячейка СВБ Сталинской школы г. Гомеля, насчитывавшая 280 членов, организовывала для родителей читку лекций «Коммунистическое воспитание и преодоление религиозных пережитков в сознании трудящихся». Группа агитаторов в 1940 г. побывала в 37 семействах на квартирах учащихся. Оказалось, что из 37 у 13 семей в квартирах висят иконы. После беседы одна семья сняла у себя иконы [7, л. 20].

В партийных отчетах о работе СВБ в БССР отмечалась низкая вовлеченность в деятельность этой организации рабочих, крестьян и женщин. При этом провинциальные ячейки СВБ не получали особой поддержки парторганизаций и комсомола. В конце 1930 г., на фоне существенного роста численности членов СВБ, Могилевский окружной совет этой организации приостановил свою деятельность из-за отсутствия актива. Республиканский совет воинствующих безбожников просил окружком партии принять меры по восстановлению работы Могилевского СВБ [12, л. 3]. Были и другие проблемы: не хватало литературы и подготовленных кадров, наркомфин и наркомпрос не выделяли должных средств СВБ. Представители организации в БССР жаловались на то, что она в 1928 г. все еще не стала массовой организацией, насчитывая только 8 тыс. членов [13, л. 10, 15, 22]. Несмотря на значительный рост в 1929–1930 гг. (с 40 тыс. в июне 1929 г. до 101 650 членов к маю 1930 г.), членство в этой организации чаще всего было формальным [12, л. 2]. Особенно беспокоила Центральный Совет СВБ инертность учителей в школах [14, л. 49]. По этой причине семинары по антирелигиозному воспитанию с начала 1930-х гг. стали обязательными в курсах по переподготовке учителей. Чтобы решить проблему нехватки специалистов в области антирелигиозной пропаганды, агитпроп Гомельского окружкома партии с конца 1920-х гг. вынашивал проект антирелигиозного университета, который начал свою работу в Гомеле в середине сентября 1931 г. [15, л. 25].

Гомельский окружной совет СБ мог похвастаться определенными успехами в своей работе, судя по отчету председателя организации т. Куницы за первое полугодие 1929 г. По его данным, в Гомельском окружном СБ насчитывалось 9 тыс. членов, и выражалась уверенность, что численность будет увеличена к концу года до 10 тыс. человек [16, л. 4]. Однако в 1931–1933 гг. в Гомельском регионе уже наблюдался спад численности и активности СБВ, что было отмечено в отчете за 1933 г. Гомельского горсовета этой организации: «После избрания местного президиума в числе 17 человек к работе приступили (составили план) только через 50 дней. Заседания городского СБВ проходят нерегулярно, план не выполняется, на первых двух заседаниях присутствовало 32–29 человек, а потом 4–9 человек. Ячейки создаются там, где не представляется труда их создать – в школах, техникумах, но не на производстве. К концу 1932 г. в Гомеле насчитывалось 88 ячеек с 8410 членами, из них школьных ячеек – 47 (5733 члена). Предприятия «Везувий», «Коминтерн», «Двигатель Революции», маргариновый завод, железнодорожный узел и др. совсем не имеют организаций СБВ, за исключением одиночек-безбожников, распыленных по предприятиям. Из 260 экземпляров газеты «Безбожник» реализовали только 95. По членским взносам в 1933 г. годовой план по интернациональным взносам выполнен на 25 %, по членским взносам СБВ за первое полугодие выполнено только 17 %». Городское руководство СБВ объясняло запущенность дел тем, что они были загружены другой работой: председатель горсовета СБВ т. Лозбин замещал директора пединститута и проводил выпуск студентов, а т. Шошин был мобилизован на работу по чистке партии. Республиканское руководство СБВ не считало это уважительной причиной, отметив также плохую работу в Гомельском педагогическом институте [17, л. 3–4].

Такое положение дел было характерно как для низового уровня, так и для общесоюзного. Мозырский райисполком КП(б)Б в январе 1935 г. констатировал, что антиколядная кампания была почти провалена – на совещание райсовета СБВ никто не пришел. По району было организовано 12 ячеек с 450 членами, по Мозырю – 7 ячеек (134 человека). Однако членские взносы поступали слабо: в Мозырский райсовет СБВ должно было поступить 1500 рублей, а собрали 250 рублей [18, л. 6–7]. Проверка работы Брагинского районного совета СБВ летом 1935 г. показала, что «райсовет состоит из одного председателя т. Никитенко. В районе имеется только две ячейки СБВ, которые насчитывают 26 членов. Председатель райсовета СБВ говорит, что ему некогда заниматься этой работой. На бюро райкома КП(б)Б Никитенко не заслушивался. В школах массовая антирелигиозная работа не ведется. Когда закрывали Кривчанскую церковь, то ученики подписывались за то, чтоб ее не закрывали. Дети сектантов отказываются петь революционные песни. Ученики Богушевской школы ходили колядовать.

Ученики Бурковской, Микулицкой и Глуховской школ посещали церковь в пасхальные дни, исповедовались и причащались. Был случай посещения церкви пионером» [19, л. 72–72 об.]. Руководители СВБ БССР вынуждены были признать, что в начале 1940-х гг. антирелигиозная работа в восточных областях республики была запущена. Например, в Кричеве в оргбюро СВБ состояло только пять человек и те не работали. За девять месяцев 1940 г. было только два заседания и план не выполнялся. На бумаге в Кричевском районе насчитывалось 28 ячеек СВБ, но организационно они не были оформлены, а в колхозах вообще не было ни одной ячейки СВБ. И это на фоне неуклонного роста численности членов этой организации в БССР: в 1939 г. 2857 ячеек (90 913 членов), в 1940 г. – 3050 ячеек (103 101 членов) [7, л. 12, 18].

В 1929 г. глава СВБ Ем. Ярославский рапортовал, что при наличии в стране до 10 млн безбожников, организовать смогли только миллион. Хотя за два дня до открытия II съезда СВБ Ярославский на совещании ЦК ВКП(б) говорил о примерно 600 тыс. членов Союза. За месяц до этого нарком просвещения А. Т. Луначарский приводил более скромную цифру – около 450 тыс. человек [1, с. 305]. На II Всесоюзной конференции юных воинствующих безбожников Ем. Ярославский заявил, что в рядах СВБ насчитывается 2 млн школьников, в том числе 98 тыс. в БССР [11, л. 7]. Однако даже само руководство СВБ признавало, что многие члены организации числились лишь на бумаге [14, л. 74].

С 1929 г. все настойчивее звучали призывы к массовому закрытию храмов, что было связано с изменением политического курса ВКП(б): сворачивание нэпа, индустриализация, коллективизация. Церковь была объявлена последним оплотом контрреволюции, особенно в деревне. План по закрытию церквей выполнялся исправно. Так, в Костюковичском районе было 26 церквей, в 1934 г. уже не было ни одной [18, л. 2]. В Оршанском округе в течение 1929–1930 гг. из 37 православных церквей 21 была закрыта [20, л. 3]. По официальным данным, на 1929 г. в Гомельском округе насчитывалось 93 православные церкви. В течение десяти последующих лет все храмы в Гомельской области были закрыты [21, л. 41]. На 1 января 1930 г. в БССР имелось 1756 религиозных объединений, из них православных – 1013, католических – 111, иудейских – 547, сектантских – 85. В 1930 г. было закрыто 60 церквей, 68 синагог, 4 костела, 3 часовни. Это те объекты, которые прошли через Центральную Комиссию при ЦИК БССР. Реальное число закрытых религиозных объектов значительно больше [12, л. 2].

С воссоединением в 1939 г. Западной Белоруссии с БССР, работы партийным и советским активистам прибавилось, в том числе и по линии антирелигиозной пропаганды. По официальным данным, в западных областях

БССР уже насчитывалось 446 костелов, 542 церкви, 387 синагог, 14 монастырей, в которых служило 617 ксендзов, 606 православных священников, 293 раввина [22, л. 26]. Однако агитационная работа в этом регионе имела свою специфику. Ем. Ярославский высказался против организации ячеек СВБ в западных областях Белоруссии и Украины, но это не означало, по его словам, отказа «от борьбы против реакционного влияния религии». Глава СВБ считал, что главная задача организации заключалась в разрушении той лжи о Советском Союзе, которую нагромоздили враги советской власти, в том числе относительно преследования за веру и насильственного закрытия храмов. Ем. Ярославский предлагал открыть любой номер газеты «Безбожник» и убедиться, что единственное оружие организации, которую он возглавляет, это «правдивое слово, убеждения, борьба против религиозного дурмана посредством науки» [23, л. 20]. Это явно не вязалось ни с названием Союза *воинствующих* безбожников, ни с планом безбожной пятилетки, разработанной данной организацией, ни с практикой проведения антирелигиозной политики в СССР.

Хотя глава СВБ Ем. Ярославский заявил, что в течение «безбожной пятилетки» 1932–1937 гг. в СССР будет забыто имя Бога, реальность свидетельствовала о том, что, несмотря на закрытие храмов, репрессии в отношении духовенства и верующих, в сознании людей вера не была истреблена. В городах и деревнях продолжали праздновать Рождество и Пасху, даже если приходилось выходить на работу в эти дни. В Мозырском районе в колхозе им. Ворошилова Бобровского сельсовета в религиозный праздник часть колхозников на работу не вышла. Из этого же колхоза детей возили крестить в Калинковичи [7, л. 36]. Работник почтово-телеграфной конторы г. Гомеля заявил, что хоть и приходится работать в пасхальные дни, но дома все равно будет чувствоваться праздник: «Если бы мне пришлось работать первый день пасхи и платили бы по 4 рубля сверх жалованья, я бы не согласился, а на 1 мая с удовольствием бы поработал и имел бы лишнюю троячку». Многие открыто возмущались: «Все заставляют делать силой. От праздников заставляют отказываться, детей заставляют приносить из дома иконы, чтобы их уничтожить, а иначе увольняют из школы. Если я схожу в церковь, то этим никому вреда не принесу. Попы никакого подрыва в рабочих не делают, а подрывы делают руководители, которые смотрят не там, где надо» [24, л. 35–38]. Возмущения рабочих порой приобретали откровенно антисоветский характер: «Недаром за границей говорят о преследовании религии в России»; «Я бы дал 4 тысячи рублей, чтобы вернуть старые порядки» [24, л. 268]. Недовольство медсестрой высказали школьники м. Ахремовцы Браславского района и их родители, когда, проводя вакцинацию от оспы, она убеждала учеников снимать крестики, а некоторым сама

их снимала [22, л. 37]. О провале атеистической пропаганды свидетельствует тот факт, что в Жировичский монастырь во время проведения крестных ходов (в 1940 г. их было четыре) съезжались верующие из Гродно, Пинска и соседних районов. На Покров в том же году собралось более 2 тыс. человек [7, л. 35]. Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война остановила реализацию плана по превращению СССР в страну победившего атеизма. В июле 1941 г. вышел последний номер газеты «Безбожник» в виду дефицита бумаги. По ходу войны изменились и государственно-церковные отношения в сторону их потепления, что сделало организацию воинствующих безбожников анахронизмом. В 1947 г. организация была распущена, а ее функции по пропаганде атеизма были переданы Всесоюзному обществу «Знание».

Список литературы

- 1 **Алексеев, В. А.** Иллюзии и догмы / В. А. Алексеев. – М. : Политиздат, 1991. – 400 с.
- 2 Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1863.
- 3 ГАООГО. – Фонд 451. – Оп. 1а. – Д. 51.
- 4 ГАООГО. – Фонд 4286. – Оп. 1а. – Д. 12.
- 5 ГАООГО. – Фонд 4286. – Оп. 1а. – Д. 11.
- 6 ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1658.
- 7 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 15512.
- 8 НАРБ. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 20.
- 9 НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 17502.
- 10 ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 816.
- 11 НАРБ. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 15.
- 12 НАРБ. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 4.
- 13 НАРБ. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 1.
- 14 НАРБ. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 6.
- 15 ГАООГО. – Фонд 265. – Оп. 1. – Д. 101.
- 16 ГАООГО. – Фонд 253. – Оп. 3а. – Д. 20.
- 17 НАРБ. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 29.
- 18 НАРБ. – Фонд 621. – Оп. 1. – Д. 30.
- 19 НАРБ. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 12.
- 20 НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 5030.
- 21 Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 161. – Оп. 1. – Д. 176.
- 22 НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 16930.
- 23 НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 17497.
- 24 ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 714. – Т. 2.